

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ¹

**Б.С. КАРАМУРЗОВ
А.Х. БОРОВ**

На протяжении последней четверти века накоплен значительный массив публикаций по общим и частным вопросам северокавказской истории и современности. Все больше ощущается потребность в научной и общественной рефлексии относительно того обобщенного «образа» региона, который в них вырисовывается и тех концептуальных посылок, которые он так или иначе выражает. Подобная рефлексия полезна и тогда, когда речь идет о конкретно-исторических интерпретациях. Применительно же к случаю общих исторических построений, охватывающих всю траекторию становления каких-либо исторических субъектов (скажем современных народов Северного Кавказа), определение концептуальных рамок и принципов интерпретации, организации и представления обширного исторического материала становится предварительным условием решения поставленных задач.

Минимальный набор посылок, положенный в основу предлагаемой работы сводится к следующему. Во-первых, Северный Кавказ мыслится как целостный объект и самостоятельный субъект исторического процесса. При этом целостность не отменяет его внутренней сложности, но также не является простой суммой его составных частей, а самостоятельность не сводится к политическим коннотациям данного понятия. Политическая субъектность региона и его этносоциальных подразделений производна от их социокультурной субъектности. Во-вторых, реконструируя целостную историю региона, нельзя сосредоточиться только на его идентификации как устойчивой этнорегиональной систем или только на формах и модальностях социальных изменений [29]. Необходимо охватить и преемственность и разрывы в его историческом бытии, и глубину социальной памяти и масштабы исторического обновления местных обществ и культур. В-третьих, в контексте построения общих исторических интерпретаций в полной мере следует принять на вооружение мысль, высказанную в свое время Ф. Броделем: «Разве не следует доводить историческое объяснение до современности – так, чтобы эта встреча с сегодняшним днем его подтверждала и оправдывала»? [4] Речь здесь идет не о подчинении трактовок прошлого политической конъюнктуре сегодняшнего дня, а об экспликации социальных и мировоззренческих позиций исследователя и о том, что предметом интерпретации является не некий законченный

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

фрагмент прошлого, а весь путь становления данного субъекта текущей истории, которая также не завершена и открыта будущему.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть в едином ключе основные характеристики Северного Кавказа, представляемого одновременно и в качестве *социо-пространственной единицы* и в качестве *сложного социокультурного субъекта* процессов исторического и современного развития. Такой широкий подход может стать частью поиска рациональных оснований для национального согласия в познании прошлого и построении будущего страны и региона.

Материалом для осмысления послужил весь комплекс знаний о Северном Кавказе, почерпнутый авторами из литературы, из собственных изысканий, из наблюдений за текущими общественными процессам и личного опыта участия в общественно-политической жизни региона.

Поставленная цель и характер рассматриваемого материала, обусловили то, что в качестве основного эвристического средства в работе используется метод исторического синтеза. Синтез может достигаться различными путями. В данном случае авторы отказались от последовательной концептуальной проработки его аспектов и проблем, и попытались дать непосредственное «рамочное» представление Северного Кавказа в качестве пространственно-временной целостности, особой культурно-исторической единицы общероссийского и глобального социально-политического пространства.

1. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПРОСТРАНСТВЕ

1.1. Социокультурный ландшафт региона

1.1.1. Северный Кавказ – горная страна? Кавказцы – горцы?

Кажется очевидным, что главное в географической характеристике региона Кавказа – это его ландшафт горной страны. Главный Кавказский хребет служит и основным маркером для выделения региона из окружающего географического пространства и отправным пунктом его внутреннего членения на Северный и Южный Кавказ.

Но даже с точки зрения физической географии значительные территории и Северного и Южного Кавказа представляют собой низменности. А с точки зрения географии этносоциальной даже в весьма далеком прошлом не все жители этой горной страны идентифицировались как «горцы». Для Южного Кавказа уже с древности важнее были цивилизационные и политические критерии идентичности. А сегодня никому не придет в голову назвать грузин, армян или азербайджанцев «горскими народами». Такое обозначение закрепилось в российской политической и культурной традиции за народами Северного Кавказа. Значит ли это, что они остаются «горцами» и сегодня? Ситуация существенно сложнее.

Еще в XVIII веке разворачивается процесс перемещения горцев на равнину. Он продолжился и после включения Северного Кавказа в состав Российской империи, приобрел значительную интенсивность и масштабы в советский период, и продолжился в постсоветское время. Уже в первой половине 1920-х годов число осетин, проживающих в горных районах

сократилось вдвое, переселилось на равнину 80% жителей горной Ингушетии, 64% карачаевцев. В 2000-х годах почти 3/4 населения Ингушетии проживает на 10% территории – в Сунженской долине и прилегающих участках, где плотность сельского населения превышает 600 человек/кв. км.. К концу советской эпохи доля «горных» чеченцев составляла только 12,5% населения республики. В Грозном и на равнинных территориях северной и центральной части Чечни сконцентрировано основное ее население. В общей сложности на пять районов Южной Чечни (Веденский, Итум-Калинский, Ножай-Юртовский, Шаройский и Шатоевский) по данным переписи населения 2010 года приходится менее 9% численности населения республики. Доля горцев в населении Дагестана заметно выше. К 1989 г. свыше 40% сельских жителей Дагестана еще приходилась на горные районы. Но и здесь из 100 крупнейших населенных пунктов 59 расположены на низменностях, 26 – в предгорьях и только 15 – в средне- и высокогорьях. По данным переписи населения 2002 г., на высотах свыше 2000 м над уровнем моря проживает 2,8% всего сельского населения республики, а на высотах от 1500 до 2000 м – 13,4%. В Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках, где на горы приходится большая часть территории, основная масса населения проживает на равнине и в предгорьях. Также и в Северной Осетии-Алании 2/3 населения сосредоточены в столице и двух прилегающих к нему районах (Пригородном и Правобережном). В Осетии более резко проявляется депопуляция горных населенных пунктов [31, с. 76-85; 19; 15; 24; 11; 35].

Таким образом, подавляющее большинство населения республик Северного Кавказа сегодня не являются горными жителями. Но это не значит, что они уже перестали быть «горцами». Во-первых, горные территории Северного Кавказа не обезлюдели, и это не позволяет местным народам оторваться от своих горских корней. Во-вторых, ментальные стереотипы и социальные установки вряд ли меняются так же быстро как место жительства. Современные «равнинные» северокавказцы – это скорее горцы, осваивающие новое жизненное пространство.

Здесь, как и во многом другом, проявляется, что источник большинства проблем современного Северного Кавказа – не в изначально присущих ему «особенностях», а в тех изменениях, которые происходят в регионе (со всеми его особенностями) и вокруг него.

1.1.2. Северный Кавказ – полиэтничный и поликонфессиональный регион?

Еще одно общепринятое представление – это полиэтничный характер региона. Некоторые говорят об уникальности Северного Кавказа, но чаще просто отмечают его принадлежность к числу регионов мира с наибольшим языковым и культурным разнообразием.

Но если говорить в терминах культурно-языковых общностей, то суждения об особой пестроте этнического состава населения Северного Кавказа представляются несколько преувеличенными. В целом на Северном Кавказе представлены дагестанская, нахская, иранская, тюркская, адыго-абхазская общности. Разумеется, каждая из этих общностей в свою очередь

вмещает в себя более мелкие этнокультурные и социально-территориальные единицы. Но само по себе это обстоятельство мало, что объясняет в региональной социально-политической ситуации. Сегодня многие области собственно центральной России, не говоря уже о столичных мегаполисах, мало уступают по «полиэтничности» Северному Кавказу.

Что же отличает северокавказскую полиэтничность?

Во-первых, здесь этничность в меньшей степени базируется на культурно-отличительных чертах соседствующих групп, а в большей – на сознании укорененности каждой из них на определенной территории, на связи «земли и людей». В этом контексте каждая – пусть самая малочисленная этническая группа находит основания для притязания на «равенство» с любой другой – пусть самой многочисленной группой, причем речь идет не о равенстве прав индивидов, а именно о равном статусе коллективов.

Во-вторых, административные единицы региона – это «национальные республики», этничность здесь политически маркирована и «межэтнические отношения» получают политическое наполнение.

В-третьих, в связи с упомянутым выше движением населения с гор на равнину и процессами урбанизации в регионе уже сформировалась «новая полиэтничность», которую характеризуют сложность и динамизм, столкновение традиционных и современных элементов идентичности, переплетение культурных, экономических и политических интересов этнических групп.

В-четвертых, в результате сокращения русского населения и прекращения миграционного притока из-за пределов региона произошло снижение уровня полиэтничности населения республик Северного Кавказа, но это как раз породило ряд проблем в их экономическом и культурном развитии.

В-пятых, северокавказский элемент заметно проявляется в «ситуациях полиэтничности» и в связанных с ними напряженностью и конфликтах за пределами собственно Северного Кавказа – в регионах Юга России и в ряде городов практически по всей стране.

Наконец, специфическим аспектом этнических процессов в регионе является их сложное взаимодействие с проблемами религиозной жизни. И дело в наименьшей степени связано с этническим и конфессиональным разнообразием региона как константной чертой его писаной истории. Проблемы возникают не из того, что имело место всегда, а из того, что меняется сегодня в социальном и культурном укладе Северного Кавказа под влиянием более широких, поистине глобальных условий существования региона.

Кавказоведы хорошо знают, что этно-конфессиональная мозаика покрывает более крупные социокультурные провинции, формирующие «материковую» структуру региона. Его широтное деление на Северный и Южный Кавказ сочетается с меридиональным делением на Кавказ Восточный и Западный. На Северном Кавказе есть свой «восток» и свой «запад», которые существенно различаются по основным социальным параметрам.

«Восток» – Ингушетия, Чечня, Дагестан – превосходит «запад» – Адыгею, Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию – в 1,7 раза по территории, более чем в 1,8 раза по населению. Но доля городского населения на востоке гораздо ниже, а сельского выше, чем на западе. На востоке больше горных жителей, но почти не осталось русского населения, в то время как на западе оно и сейчас составляет свыше 30%. Восток представляет собой сплошной исламский ареал, и уровень религиозности населения здесь весьма высок. На западе сосуществуют ислам и православное христианство, а религиозность населения и общественный вес религии заметно ниже.

На первый взгляд можно было бы пренебречь тем формальным обстоятельством, что Каспийское море «связывает» восток региона с Центральной и Передней Азией, а Черное море его западную часть – с Европой. Но этот факт иллюстрирует неоднородность окружающего регион социального пространства и разнообразие внешних влияний на Северный Кавказ.

1.2. Северный Кавказ в окружающем мире

1.2.1. Северный Кавказ – часть России

Можно начать с очевидного и формального. Территория Северного Кавказа – это часть территории российского государства, а его жители – российские граждане. Но подобно тому, как гражданин не принадлежит государству, а находится с ним в определенных отношениях, так и регионы федеративного государства находятся в определенных отношениях с федеральным центром и между собой. Эти отношения не сводятся к юридически зафиксированным нормам. Они живые, в них каждодневно воспроизводится, подтверждается и видоизменяется статус Северного Кавказа как части России. Специфически значимыми для региона здесь являются следующие факторы.

Конституция РФ провозглашает полное равенство субъектов федерации в их отношениях между собой и федеральным центром. Между тем, представление о том, что республики являются воплощением «национальной государственности» соответствующих «титულных» народов, т.е. несут в себе нечто особенное – идею национального суверенитета – кажется неискоренимым на Северном Кавказе. При этом пребывание в составе России связывается не с утратой суверенитета, а с его реализацией, с собственным выбором, так что имевшая здесь хождение парадоксальная формула «суверенитет в составе» несла вполне реальный смысл. Эта формула является выражением живых, постоянно подтверждаемых отношений еще потому, что она насыщена историей.

Регион весьма прочно интегрирован в экономическую систему и социальную инфраструктуру большой России. В хозяйственно-экономическом и в финансовом плане, «зависимость» Северного Кавказа от общероссийского рынка, от состояния российской экономики и от федерального бюджета безусловна. Может быть еще важнее, что местные общества без оговорок принимают институциональные условия своей жизнедеятельности, задаваемые российским государством – его законы, административную систему, политику.

Отклонения от этого правила, сколь значительными по количеству и крайними по форме они бы порой ни оказывались, являются проявлениями индивидуального, а не общественного и не национального выбора.

В культурном пространстве России Северный Кавказ, прежде всего, его восточная часть, выделяется достаточно отчетливо. По сравнению с завершающим периодом советской эпохи роль этнокультурных и конфессиональных факторов личной и групповой самоидентификации существенно выросла, а культурная дистанция между регионом и центром страны увеличилась. Но было бы ошибкой воспринимать Северный Кавказ как некий отдаленный периферийный регион России. Иногда забывают, что географически он очень близок к политическому, финансово-экономическому, культурному центру страны и тесно связан с ним транспортными коммуникациями. Профессиональное образование, профессиональная и деловая карьера, само существование в социокультурной среде современных мегаполисов все шире осваивается выходцами с Северного Кавказа. Жизнь значительной части населения в самом регионе все более насыщается элементами современной культуры. Северный Кавказ не является и не чувствует себя окраиной России.

Но Северный Кавказ локализован не только в политическом, социально-экономическом и культурном пространстве России.

1.2.2. Северный Кавказ – часть «Большого Кавказа»

Сказать, что Северный Кавказ – это часть Кавказа, значит повторить что-то не требующее повторений и в то же время совершенно недостаточное.

Географическое единство Кавказа всегда сочеталось с затрудненностью коммуникаций между его северной и южной частями; политическая неустойчивость связанная с внешними вторжениями и влияниями затрудняла становление здесь единой «мир-экономики»; цивилизационная, этническая и социальная разнородность порождала насильственные формы социальных взаимодействий [27].

Сознание культурно-исторической близости, наличие общего для всех народов «кавказского» уровня самоидентификации также не подлежит сомнению.

Опыт постсоветского реформирования кавказского пространства, основанного на политической институционализации национального существования показал, что позитивный гармонизирующий потенциал культурно-исторических факторов сам по себе не гарантирует бесконфликтного развития. В результате сложилась современная дробная структура кавказского политического пространства с внутренними напряжениями и разновекторными геополитическими устремлениями [27]. Северный Кавказ испытывает влияние и межгосударственных и внутренних для тех или иных государств коллизий, порой вовлекается в эти коллизии.

Конфликты и расходящиеся интересы политически противопоставляют соседей друг другу, но одновременно связывают их, поскольку они вынуждены так или иначе искать способы совместного разрешения конфликтов. Возможная

реакция этнополитических субъектов Северного Кавказа на государственные решения и возможные последствия протекающих в регионе процессов для общей ситуации на Кавказе должны учитываться государствами при построении своей политики. Но реконструкция гуманитарного и культурного единства Кавказа теперь относится к сфере межгосударственных отношений.

1.2.3. Северный Кавказ – в глобальном пространстве современности

Внутри региона Большого Кавказа в последнюю четверть века возникли новые барьеры, затруднившие контакты в ряде сфер общественной жизни, но одновременно Кавказ в целом и его северная часть в том числе оказались открыты для многообразного взаимодействия с глобальной культурно-идеологической средой современного мира. По сравнению с условиями информационной и социальной изоляции советского времени ныне и перед суверенными государствами, и перед отдельными индивидами, и перед местными обществами открылись новые возможности идеологического, политического и культурного выбора. Равным образом, у внешних сил появилось гораздо больше возможностей влиять на культурно-идеологические и политические процессы в регионе.

Прямая и непосредственная включенность Северного Кавказа в пространство современного мира нашла свое наиболее очевидное воплощение в «реисламизации» региона и привнесении в общественную жизнь ряда республик внутренних для мирового ислама коллизий. В этих случаях определенный выбор предлагается, а отчасти навязывается, тому или иному обществу в целом и потому он приобретает публичное и даже политическое звучание. Но не менее важно заметить, что картина культурных ориентаций, которая складывается в массовой социальной практике из множеств индивидуальных жизненных установок и действий гораздо сложнее и многообразней.

Таким образом, место Северного Кавказа в пространстве современного мира определяется не тем, где он локализован географически, а тем, что он пронизывается «силовыми линиями» глобальных взаимодействий и глобальной динамики. Его месторасположение уникально, но вызовы исторического времени, с которыми он сталкивается универсальны. Сегодняшние ответы местных обществ на эти вызовы и их перспективы можно осмыслить только в контексте исторического времени, в которое погружен Северный Кавказ.

2. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВО ВРЕМЕНИ

2.1. Глубина исторического времени

Структуры гражданского и национального самосознания всегда коренятся в истории, а сама история и историческое сознание как фактор самоидентификации неустранимы из современной культуры. Этническая психология и самосознание кавказских народов неразрывно связаны с их историей. Свойственное им уважение к предкам, глубина исторической памяти, зафиксированная не только в письменных источниках, но и в преданиях,

генеалогиях, эпосе во многом обусловили формирование национального менталитета.

И здесь необходимо помнить, что этногенез и этническая история современных народов Северного Кавказа характеризуются двумя важными в данном контексте чертами. Во-первых, независимо от многочисленных этнокультурных взаимовлияний и напластований, эти процессы протекали в пределах региона. Народы Северного Кавказа имеют неразрывную историческую связь с нынешней территорией своего проживания. Во-вторых, данные науки свидетельствуют, что на занимаемых кавказскими народами территориях надежно прослеживается культурная преемственность, уходящая в глубокую древность.

Современные народы Северного Кавказа – это действительно древние народы. Северный Кавказ, как и Закавказье, являются одним из древнейших очагов первобытной культуры. На Кавказе уже в VII тыс. до н. э. появились очаги земледелия, а в неолитическое время регион становится территорией широкого распространения земледельческой культуры [13, с. 37-38].

Академическая наука зафиксировала весьма глубокие истоки нынешней этнолингвистической пестроты региона. В V тыс. до н. э. палеокавказская этнокультурная общность распадается, и складываются три основных варианта археологических культур: Закавказский, Северо-западный и Северо-восточный. Они положили начало зарождению трех основных лингвистических общностей палеокавказской языковой семьи: западной (адыго-абхазской), восточной (нахско-дагестанской) и южной (картвельской) [3, с. 54-55].

В III-II тыс. до н.э. сравнительно высокого, для своего времени, уровня развития достигли племена, создавшие на Кавказе майкопскую, куро-аракскую, колхидскую, дольменную и др. археологические культуры [13; 20; 25; 21].

В науке довольно прочно утвердилась гипотеза о преемственной связи многих кавказских племен с древнейшим населением Передней Азии. Главным здесь является то, что кавказские языки как и языки первоначального населения переднеазиатских стран (шумер, хаттов, касков), не относились ни к семитической, ни к индоевропейской языковым системам, а между собой проявляли многие черты сходства. В аналогичной связи прослеживают родство древних урартов и хурритов [2; 6; 7; 8; 10; 12; 26; 32].

Предки народов Северного Кавказа были современниками древнейших цивилизаций – месопотамской, египетской, крито-микенской, древнегреческой и римской. Разумеется, это не значит, что они принадлежали к одному с ними культурному ряду. Более того, сами древние предки народов Северного Кавказа могли не знать, что они живут в столь насыщенном историческом контексте, но сегодня мы располагаем как бы «законченной картиной» того исторического времени, и в нашей ментальности неизбежно устанавливаются связи, которых в реальном историческом прошлом могло не быть. Современная этнология считает, что каково бы ни было культурное, политическое, социально-экономическое, статусное и др. состояние общества, доминирующей формой идентификации является соотнесение себя с историческими памятниками на данной территории, со значительными культурно-историческими

конгломератами и цивилизациями [28, с. 27, 56]. А тот реальный, пусть спорадический и ограниченный, опыт контактов и взаимодействия с великими державами и высокими культурами, который отложился в их историческом наследии, может актуализироваться в самых неожиданных ситуациях.

Кавказ является одним из регионов наиболее раннего распространения мировых религий: христианства и ислама. Распространение христианства не только в Закавказье, но и на Северо-Западном Кавказе рассматривают как результат усиления римского (византийского) влияния. Наиболее удобную среду (и раньше, чем в других северокавказских регионах) христианство нашло у зихских племен, обитавших на Черноморском побережье. Соответствующие церковные документы VI-X вв. упоминают на данном побережье, одновременно, епископии: Никопсийскую, Зикхийскую, Таматархскую, Фанагорийскую. Подпись епископа Зихии Дамиана имеется под протоколами Константинопольского собора 526 г. По всем данным можно заключить, что зихи (древние адыги) приняли христианство не позже V в. Христианская культура у них в начале должна была носить греческий характер, по источнику своего происхождения. Позже, с IX в., в Зихии, по-видимому, начинает преобладать влияние грузинской христианской культуры. Последняя имела непосредственное отношение к христианизации алан в X в., а также оставила многочисленные следы своего влияния в горах на территории современного Карачая и Балкарии, Чечни и Ингушетии [13, с. 112, 172-180].

Проникновение ислама на Кавказ связано с арабским продвижением в регион. Азербайджан был завоеван халифатом в 639 г., а Дагестан – в 642-643 гг. Население завоеванных территорий постепенно с этого времени начинает приобщаться к исламу [13, с. 178-179]. Дальнейшая трансформация религиозных верований северокавказцев (кроме дагестанцев) связана с тем, что ислам здесь включался в рамки устоявшегося симбиоза христианства и традиционных народных верований. В итоге, на Северном Кавказе по существу воцарилась своеобразная полиморфность религиозного сознания, хотя политика Золотой Орды дала очередной сильный импульс распространению ислама в регионе в XIV-XV вв.

2.2. История Северного Кавказа: природа ключевых событий

Ключевыми для исторической памяти и самосознание народов Северного Кавказа, для современных научных и политических дискуссий являются две группы событий прошлого:

- события сформировавшие этно-конфессиональную композицию региона;
- события, сформировавшие современный политический статус региона.

При самом кратком и поверхностном обзоре основных событий, относящихся к обеим этим группам нельзя не заметить некоторые их общие черты.

Наиболее важные, поворотные для истории региона события редко имели форму отдельных, четко фиксируемых политических действий, а чаще представляли собой конгломераты множества событий, целые эпохи перемен.

Таковы были периоды «великого переселения народов», татаро-монгольского владычества, включения региона в состав Российской империи. Однозначно ясное оценочное отношение к таким «событиям» практически невозможно. А поскольку различные этнические и конфессиональные группы на современном Северном Кавказе могут идентифицировать себя с теми или иными участниками прошлых конфликтов, то становится понятной особая роль «исторического измерения» актуальных этнополитических проблем.

Действующими лицами ключевых событий прошлого редко выступают политически властвующие лица или государственные институты, а как правило, целые обществ и народы региона. В силу этого они практически никогда или крайне редко получали формальную политико-правовую фиксацию. Народы и общества Северного Кавказа не имеют непрерывной традиции собственного государственно-политического развития и сформированных в ее рамках конституционных систем, политических и правовых принципов и т.д. Здесь нет своей «Великой хартии вольностей», «Декларации независимости», «Декларации прав человека и гражданина ». Попытки легитимации современных политических притязаний связаны для них не с обращением к «текстам», имеющим политический авторитет и юридическую силу, а с трактовкой целых пластов исторического опыта. Естественным образом на первый план для них выступает опыт независимого существования, политических отношений с Российским государством в период своей независимости, условия и формы вхождения в его состав. Но этот опыт относится в значительной степени к «досовременным» формам политической организации и конфликтным формам взаимодействия с внешними силами.

Это тем более важно подчеркнуть, что большая часть важных событий отражала преимущественно не внутреннее, спонтанное либо сознательно направляемое развитие социальной и политической организации народов и обществ региона, а их взаимодействие, чаще всего столкновение, с могущественными внешними силами. Опыт собственного социального творчества закреплен главным образом в легендарных и полуполулегендарных преданиях о становлении традиционного общественного порядка. Весь же период преобразования традиционных для Северного Кавказа систем экономики, общества и культуры, обретения ими их современного облика целиком проходил под определяющим воздействием Российского государства.

И в этот период произошли события, весьма остро переживаемые исторической памятью и породившие сложные последствия, но главное происходило в сфере социально-культурных процессов.

2.3. История Северного Кавказа: базовые процессы

2.3.1. Что представляла собой северокавказская традиция?

Современная этническая карта Северного Кавказа складывается в основных чертах к XV-XVI вв. На Северо-Западе весь район Прикубанья и Причерноморья до Сочи занимают адыги, которых многие народы называют «черкесами». На Центральном Кавказе на значительной части плоскости и в предгорьях размещаются восточные адыги – кабардинцы. Их соседями стали

близкородственные абазины. Восточнее этих народов в горах жили карачаевцы, балкарцы и осетины. На Северо-Восточном Кавказе были расселены вайнахи (чеченцы и ингуши) и многочисленные народы Дагестана. Здесь же, на Тереке с XVI в. начинает формироваться гребенское (терское) казачество [1].

Вместе с завершением в основных чертах процессов этногенеза северокавказских народов, сложился и более широкий культурно-исторический контекст, который в решающей степени предопределил пути их дальнейшего развития.

В период великого переселения народов, «варваризации» Европы, упадка городской жизни и самых первых этапов складывания раннефеодальных монархий – Северный Кавказ в общем и целом не выделялся на социально-политической и культурной карте Восточной Европы. Здесь также происходили процессы становления раннефеодальных обществ и государств. Но к X в. четко обозначается расхождение путей цивилизационного развития Северного Кавказа и окружающего его исторического мира.

В X-XV вв., в общих чертах сложилась современная западнохристианская цивилизация, возникли централизованные монархии, Европа подошла к началу нового времени. На Руси сложилась восточнохристианская цивилизация (Киевская, затем Московская Русь), завершалось формирование централизованного государства. На востоке – мусульманский мир обрел устойчивую государственно-политическую структуру, сохранившуюся в основных чертах на всем протяжении нового времени. Северный Кавказ в целом так и не был включен в орбиту ни одной из великих современных цивилизаций, которые оформились к XV-XVI вв. В масштабах всего региона не стала господствующей какая либо одна из мировых религий, не сформировалось ни одно крупное централизованное политическое образование, не получили развитие города, и городская культура не проникла в толщу общественной жизни. В социокультурном плане он остался самостоятельным, самобытным, но при этом как бы задержался в предыдущей эпохе. Необычайная устойчивость традиционных социальных институтов, норм и ценностей блокировала запуск механизмов цивилизационного саморазвития местных народов.

Вместе с тем, регион, начиная с XVI в. все глубже втягивается в орбиту геополитических интересов крупнейших соседних государств, принадлежащих к различным цивилизациям. Таким образом, обозначились предпосылки складывания специфических форм взаимодействия народов Северного Кавказа с окружающим миром, связанные с необходимостью каждый раз преодолевать цивилизационные расхождения и дисбалансы.

На протяжении XVI-XVIII вв. эта коллизия еще не приобрела напряженного характера и сказалась главным образом в углублении внутрорегиональной дифференциации по всем измерениям исторического бытия народов Северного Кавказа – социально-политической организации, религиозной жизни, внешнеполитической ориентации.

Одновременно формировались условия для глубокой трансформации традиционных обществ Северного Кавказа в результате их инкорпорации в

государственную, общественную и культурную системы России. Это был длительный исторический процесс. С момента первых политических контактов (черкесское посольство в Москву 1552 г.) и до окончательного включения Северного Кавказа в состав Российской империи (завершение Кавказской войны в 1864 г.) прошло более 300 лет. В рамки этого периода уместились три этапа российско-северокавказских отношений.

1) Первый этап (середина XVI – начало XVIII в.) укладывается в рамки Московского периода российской истории и может быть обозначен как этап партнерства феодальных элит. Инициатива сближения с Россией зародилась в феодальных верхах некоторых народов самого региона. Длительное взаимное сотрудничество поддерживалось наличием общей внешней угрозы и общностью феодальной политической культуры. А по содержанию и функциям это сотрудничество приобретало порой характер военно-политического союзничества. Но уже в этот период проявились проблемы и трудности, которые впоследствии приобрели непреодолимый характер. Неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и самодержавной властью имело место изначально.

2) Второй этап взаимоотношений начался вместе с «петербургским» периодом российской истории. Он охватывает практически весь XVIII век и может быть охарактеризован как переходный. На этом этапе постепенно теряют силу факторы, делавшие возможным взаимопонимание и сотрудничество, и, напротив, накапливаются предпосылки военно-силового противостояния (Кавказской войны XIX в.)

С первой четверти XVIII в. в государственно-политической системе России происходит принципиальный модернизационный сдвиг. Возникает бюрократическое государство квазисовременного типа, выступающее как один из имперских центров в европейском «концерте» держав. У народов Северного Кавказа сохраняется сугубо традиционная социальная и политическая организация. В результате углубляется стадийный разрыв уровней их социокультурного развития. Нахождение общего языка для оформления взаимных отношений становится все более затруднительным.

Противоречивый итог векового развития русско-кавказских отношений заключался в том, что культурная дистанция между ними существенно увеличилась, а пространственная и политическая – были стерты. В непосредственное взаимодействие вступили общества с различной социальной структурой и хозяйственными традициями, с качественно разнородными системами организации власти. Культуры этих обществ различались теперь не только по цивилизационной принадлежности и религии – в то время как в русской культуре уже присутствовали и развивались элементы модернизации, культура народов Северного Кавказа оставалась сугубо традиционной.

3) Третий этап российско-кавказских отношений совпадает с тем, что обозначается в исторической науке понятием «Кавказская война». Яркой особенностью этого понятия является то, что по всем основным его аспектам сталкиваются различные и, зачастую противоположные подходы, это касается и причин войны, и хронологии, и характера, и оценки последствий. Можно

сказать, что здесь мы имеем дело с одним из «трудных вопросов» отечественной истории. Эта трудность порождается как сложной социальной природой самого явления, так и множественностью объективно заданных «точек зрения», с которых оно рассматривается. Каков тот минимальный объем и состав исторического и историографического материала, рассмотрение которого необходимо, чтобы адекватно представить сложную историческую природу Кавказской войны? На него указывает предметная и концептуальная структура историографической традиции. Это геополитические цели и устремления Российской империи, это культурно-цивилизационная дистанция между Россией и народами региона, это социальный уклад и социальные процессы в местных обществах.

Аналитическая обработка всех этих факторов обязательна уже в силу их устойчивого присутствия в структуре научно-исторического дискурса, независимо от их относительной роли в структуре «исторической реальности». Все они внесли свой «вклад» в генезис и характер протекания Кавказской войны. Но ни один из них по отдельности не может рассматриваться как достаточная «причина» или исчерпывающее выражение ее «сущности». Геополитические цели России и ее продвижение на юг создали саму возможность вооруженного столкновения с горцами Северного Кавказа. Культурно-цивилизационные различия между ними делали такое столкновение в высокой степени вероятным и в некоторых случаях – неизбежным. Особенности социальной и потестарно-политической организации народов и обществ региона обусловили упорство, длительность, формы вооруженного противоборства.

Вместе с тем, политические, военные и невоенные формы взаимодействия с Россией выступили в качестве новых факторов, оказавших решающее влияние на эндогенные социально-политические процессы в местных обществах. Произошел кардинальный сдвиг в соотношении общества и власти. На «довоенном» Северном Кавказе возможности влияния власти на общество, выходящие за пределы социально-правовой традиции, т.е. осуществления преобразований, «реформ» были минимальны. Шаг за шагом, с различной степенью глубины и устойчивости властные структуры, наделенные преобразовательным потенциалом, генерировались в ходе войны местными обществами. А по ее завершении утвердилась независимая от них и стоящая над ними власть, которая формировала условия и административно-правовые механизмы функционирования общества, задавала ему ориентиры. Изменился сам механизм социально-культурного развития народов региона.

Проблема единого понимания Кавказской войны, интерпретирующего ее место в опыте России и народов Северного Кавказа как самостоятельных субъектов исторического процесса остается актуальной в текущей историографической ситуации. В поиске ее решения научная историография не может не учитывать, что значимость интеграции проблематики Кавказской войны в структуру национальных нарративов различного «уровня» объективно неодинакова. Для общего представления российской национальной истории Кавказская война останется в некотором смысле побочным, частным сюжетом.

Даже когда она является непосредственным предметом анализа, ее интерпретации и оценки скорее всего будут подчиняться другим, более широким и важным процессам и явлениям (формирования российского многонационального государства или исторического процесса модернизации) [18, с. 87]. Но дело в том, что в национальных историях отдельных народов Северного Кавказа широкие процессы формирования многонационального государства или модернизации предстают как «части часть», как отрезок на пути или «сторона» их собственного исторического развития и, соответственно, один из смыслообразующих элементов их исторического сознания. Для научной историографии здесь возникает методологическая проблема – необходимость найти такую интерпретацию исторического места Кавказской войны, в которой Россия и народы Северного Кавказа выступали бы как очень разные, но «равные» субъекты единого исторического процесса.

Решение этой проблемы достижимо в рамках сложной, но внутренне последовательной исторической концепции Кавказской войны. В профессиональном плане она будет нацелена не на актуальные политические выводы из опыта войны, а на тот синхронный и диахронный исторический контекст, вне которого нельзя ни объяснить войну как явление своей эпохи, ни определить ее «место» в длительном историческом цикле российско-кавказских отношений от их истоков до наших дней. На концептуальном уровне полнота охвата материала аналитическими и синтетическими процедурами позволит не стереть грани между войной и миром – не растворять трактовки войны в трактовках периодов взаимного тяготения (сближения, культурного обмена, со-развития), но равным образом – не уводить в тень войны ценность и значение последних. Таким образом, следуя своим академическим правилам, историография способна не просто ответить на нужды и ожидания общества, но произвести «теоретическую добавку» к ним – эмпирически обоснованное и концептуально насыщенное знание, с которым различные общественные силы должны будут считаться [37].

Если руководствоваться такими познавательными установками, то обнаруживается, что различные подходы к осмыслению Кавказской войны не столько опровергают, сколько дополняют друг друга. Тем самым становится достижимым необходимый уровень сложности исторической интерпретации этого явления. Открывается перспектива исторического нарратива, который дает возможность единого прочтения и «своего» и «чужого» прошлого. С научно-рационалистической точки зрения для этого нет непреодолимых преград. Вопрос заключается в том, в какой мере общественно-идеологическая атмосфера в стране и в регионе будет способствовать или препятствовать этому.

2.3.2. Как происходила трансформация традиционных обществ на Северном Кавказе?

Таким образом, включение народов Северного Кавказа в социально-экономическую, административно-политическую и культурную среду российского общества и государства привело к радикальному изменению основ и механизмов их исторического развития. Ключевым для государственной

политики России на Северном Кавказе с этого времени становится вопрос о соотношении систем власти и управления в регионе с процессами преобразования местных обществ. В рамках этой эпохи тема «Россия и Кавказ» приобретает качественно новое звучание. В XVI-XVIII вв. основным мотивом в ней являлась проблема политического взаимодействия различных исторических субъектов, сохраняющих свою самостоятельность и самобытность. В период Кавказской войны – проблема совместимости в одном государственном организме существенно различных социокультурных систем. А после ее завершения основным мотивом становится проблема совместного развития, т.е. органичного включения Северного Кавказа в процессы российской модернизации.

По отношению к народам Северного Кавказа Российское государство на всем протяжении его «плотного» взаимодействия с ними выступало как фактор модернизации. Вопрос о специфике самой российской модернизации в этом контексте является вторичным – для традиционных или даже архаичных социальных систем Северного Кавказа она выступала единственным источником модернизационных импульсов. Эндогенные движители модернизации к середине XIX в. в местных обществах были далеки от возникновения и активизации.

С этой точки зрения выделяются три этапа, в рамках которых определенным образом сочетаются формы организации государственной власти в регионе и модели реформирования местных обществ. Первый из них соответствует имперскому пореформенному периоду (1860-е – 1917 г.), второй совпадает с советской эпохой истории России и третий – это нынешний, постсоветский или демократический этап политических и общественных изменений. Между первым и вторым этапами пролегает период «смуты» 1917-1920 гг., который «выпадает» из упорядоченного процесса преобразований и выступает как кризисная переходная фаза. Первое десятилетие современного этапа общественных трансформаций в России соединяет в себе черты революции (с проявлениями государственного распада) и элементы целенаправленной политики реформ.

Первая волна преобразований призвана была закрепить военно-политические результаты Кавказской войны, она развертывалась в условиях общего укрепления Российского государства и осуществления им системных, но постепенных и контролируемых сверху реформ. Приоритетной для государственной политики на Кавказе была задача более прочной интеграции региона в имперское социально-политическое пространство. Эта задача решалась с учетом социокультурной специфики на основе сочетания безусловного верховенства центральной власти с элементами судебно-административной автономии региона.

Масштабы и глубина воздействия реформ 1860-1870-х гг. на внутренний строй местных обществ, на хозяйственно-бытовой уклад и религиозную жизнь сельских общин были не столь значительны. Произошел скорее подрыв устоев традиционного общества, чем его преобразование. Положение усугублялось тем, что привилегированные сословия местных обществ не получили прав

русского дворянства, а население в целом имело статус инородцев. Но при этом происходили динамичные изменения в окружающей народы Северного Кавказа экономической, социальной и культурной среде.

На фоне относительной социальной малоподвижности горских народов Северного Кавказа наиболее зримым выражением социально-экономических и культурных сдвигов в регионе стала радикальная перестройка его этнодемографической структуры. В XIX в. доля русского и украинского населения Северного Кавказа росла необычайно высокими темпами. Абсолютное доминирование русскоязычного населения к концу XIX в. имело место в Кубанской области (90,4%) и Ставропольской губернии (95%). Но и места традиционного проживания горских народов в Терской области приобрели глубоко полиэтничный характер. Русское население составляло здесь 33,7 %, но и местное население было этнически пестрым и разноязычным [17, с. 144-174, 198-207]. Незначительным было русское население Дагестана, где на долю многочисленных местных народов приходилось 95% населения области [14, с. 385].

Те изменения, которые мы представляем в виде статистического материала, для народов региона выступали как изменение всей картины окружающей мира. С этого времени фундаментальной чертой социального бытия горцев Северного Кавказа становится дуализм, двойственность социальной структуры и социальных институтов, в которых и через которые они осуществляют свою жизнедеятельность. Привычные, «естественные» институты, представления и нормы, коренящиеся в этносоциальной и этнокультурной традиции каждого народа, включаются теперь в современный, («имперский», «русский») социокультурный и правовой контекст, взаимодействуя с ним, испытывая его мощное давление. Эту двойственность, переходный и противоречивый характер положения горских народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века остро ощущали представители местной интеллигенции.

Реакция местного общества на ситуацию дуализма была далеко неоднозначной. В каждом народе проявили себя и тенденции адаптации к новой реальности, и стремление «уйти» от непривычного порядка, и попытки активного сопротивления.

Нельзя преувеличивать масштабы и глубину включения северокавказских народов в модернизационные процессы пореформенного периода. Этносоциальные общности региона имели теперь усеченную, неполную социополитическую структуру; были раздроблены и замкнуты в пределах низовых социальных единиц – сельских общин. Жесткий административно-полицейский контроль допускал функционирование элементов общественного самоуправления только на общинном уровне. Весьма ограниченными оставались масштабы включения местных этнических ареалов в систему всероссийского рынка. Сохранившаяся на протяжении этого периода социокультурная изоляция, как бы «анклавность» северокавказских обществ резко снижала возможности органичного и позитивного усвоения социальных и

культурных инноваций, успешной адаптации к общественной динамике модернизирующейся России.

Но, с другой стороны, главные коллизии и антагонизмы общественно-политического развития предреволюционной России также не находили прямого отражения на Северном Кавказе. Основные предпосылки нарушения социально-политического равновесия в регионе создавались противоречиями самой российской имперской модернизации и назреванием ее революционного «срыва».

Вторая, социалистическая, волна общественных преобразований стала осуществляться на Северном Кавказе уже после Гражданской войны в условиях упрочения советского государства. В отличие от реформ XIX века они носили чрезвычайно глубокий, радикальный характер, реализовались форсированными темпами на основе жесткой административной централизации и политико-идеологической унификации. С конца 1920-х гг. при осуществлении политических, экономических и социальных преобразований полностью игнорировалась социокультурная специфика местных обществ. Но при этом сохранялся этнотерриториальный (национально-государственный) принцип государственно-политической организации народов региона, а процесс социалистического строительства нес народам региона реальную социально-экономическую модернизацию и, одновременно, приобретал символическую форму национального расцвета.

Различные аспекты социально-политической эволюции северокавказских обществ реализовались неравномерно. В 1920-е гг. на первый план выступали сдвиги в культурно-идеологической и административно-политической среде при относительной устойчивости традиционной системы хозяйствования и деревенского уклада жизни. В 1930-е гг. сплошная коллективизация, огосударствление сельской экономики и бюрократизация колхозов приводят к слому «пореформенной» социальной и организационно-хозяйственной структуры, подрывают духовно-идеологическую автономию горского аула, бывшего до этих пор средоточием воспроизводства этносоциальной и этнокультурной традиции. Затем период Великой Отечественной войны дал народам Северного Кавказа, по сути дела, первый, со времени их вхождения в состав России, опыт всенародной сопричастности к общей для всей страны трагедии и массового участия в вооруженной защите государства от внешнего врага. В 1950-е гг. в большинстве республик Северного Кавказа социальное лидерство переходит к советскому поколению местных обществ, а государственная система обучения и воспитания превращается в основной механизм социализации подрастающих поколений.

Развитие экономики и административно-политических структур в рамках автономий расширяло возможности для социальной мобильности и преодоления местным обществом деревенской замкнутости. Ориентация на получение современного образования, а тем самым – на социальную мобильность, становится к концу 1950-х гг. массовой социальной установкой. Так, за 1939-1959 гг. доля населения, имеющего высшее и среднее образование, в целом по РСФСР увеличилась в 3,4 раза. Темпы роста образовательного

уровня народов Северного Кавказа были существенно выше общероссийских. Эти показатели варьировались здесь от 3,9 раз у осетин до 13 раз у аварцев [5, с. 16; 16, с. 416-423].

Воспроизводство местной образованной элиты (партийно-советской, хозяйственной, научно-технической и т.д.) постепенно перестает зависеть от идущего сверху «выдвиженчества» и выступает показателем «внутренней» социальной мобильности местных этнических обществ. Таким образом, в основном завершаются процессы культурно-психологической адаптации к условиям и требованиям социалистической модернизации.

Сопоставление материалов переписи населения 1939 и 1959 годов позволяет заключить, что этносоциальное развитие народов, подвергшихся принудительной депортации, происходило в этот период в том же направлении, что и у тех народов Северного Кавказа, которых депортация не коснулась. По таким показателям социокультурной модернизации как рост образовательного уровня они также опережали среднероссийские показатели. Различия в темпах роста образовательного уровня между отдельными народами Северного Кавказа коррелировали с различиями исходных показателей, а не с фактом депортации того или иного народа.

В целом, видимо, у тех народов, которые имели значительные массы сельского высокогорного населения (в том числе дагестанских), более устойчиво сохранялись позиции социального лидерства традиционных элит и обусловленное этим запаздывание процессов социокультурной адаптации, а опыт депортации придал этому обстоятельству известную социально-психологическую напряженность. Но сохранявшаяся еще в тот период инерция государственной дисциплины и порядка и широкая общественная тяга к спокойствию и благополучию создавали условия для нового периода этнополитической стабильности в регионе и модернизационного рывка местных обществ.

Три десятилетия с конца 1950-х и до конца 1980-х годов стали временем значительных изменений в северокавказских обществах. Ощутимо выросла их демографическая масштабность. При этом в 1970-е гг. темпы прироста численности русского населения здесь существенно замедлились, а в Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестане шло его сокращение. В результате прекратилось снижение доли титульных национальных групп в общей численности населения соответствующих автономных республик и областей.

Именно в эти годы происходит реальная и интенсивная модернизация социально-экономических структур (урбанизация, индустриализация) и подлинная революция в культуре местных обществ. Изменения социально-экономических структур теперь определяются не столько перестройкой социально-демографического состава населения в результате механического притока русскоязычного населения извне региона, сколько трансформациями самого этнического социума.

Процессы модернизации сопровождаются определенным (но в неравной степени выраженным) ослаблением влияния традиционных культурных систем на всю сферу общественных отношений. При весомом вкладе «внешнего»

фактора (общегосударственной политики и системы образования) здесь не менее важна была переориентация самих этносоциальных общностей с воспроизводства традиционных социальных и культурных образцов на социальные инновации, на модернизацию. «Активной» стороной во взаимодействии дуалистических начал традиции и новаций становится основная масса населения, и молодежь, прежде всего.

Население северокавказских республик и областей включалось тем самым в единый для всей страны процесс социально-экономического развития, осваивало общие для современной экономики формы производственной деятельности, городского образа жизни и культурного потребления. Содержание среднего и профессионального образования, все шире охватывающего народы Северного Кавказа строилось на общенаучной рационалистической основе. Но стирания национальных граней социального пространства региона к концу советской эпохи, конечно же, не произошло.

Прежде всего, сохранялось определенное «отставание» северокавказских этносоциальных общностей по параметрам модернизации от общероссийского уровня и от русскоязычного населения Северного Кавказа. В то же время, модернизационные сдвиги 1960-80-х годов привели в действие новые факторы этносоциальной консолидации народов Северного Кавказа: социальную и географическую мобильность, интенсификацию социальных взаимодействий, массовую образованность и расширение слоя национальной интеллигенции. Все это приводило у народов региона к заметному подъему чувств национальной общности и национальной гордости, связываемой с собственной историей и высоким ценностным статусом этнокультурного наследия. Ценности и нормы традиционной культуры оставались фактором сплочения северокавказских этнических обществ и сохраняли значимые функции общественного регулирования. Вместе с тем механизмы обучения и воспитания подрастающих поколений на всех уровнях (включая семью) были переориентированы на активное освоение жизненных шансов в рамках «большого» советского общества. Традиционные институты, связи и нормы действовали как этнический ресурс, обеспечивающий индивидуальную социальную мобильность и успех в различных сферах общественной жизни.

В целом для народов Северного Кавказа советская эпоха была временем интенсивного развития, реальной модернизации. Характерное для советской эпохи ощущение общественного прогресса, преодоления «анклавности» и расширения горизонтов для вчера еще сугубо традиционных обществ имело вполне реальные основания. Этнический социум вышел за пределы сельских общин и постепенно заполнил свою национально-государственную «форму»; расширялся слой современной этнической элиты, восстановились полнота и синкретизм ее общественных функций (хозяйственных, административных, культурно-идеологических); открылись каналы восходящей социальной мобильности внутри этнического социума. Словом, произошла регенерация «полной» социально-политической структуры северокавказских этносоциальных общностей. Все это отразилось в становлении сложной конфигурации национальной идентичности народов региона, включившей в

себя и сознание принадлежности к наднациональной советской политико-гражданской общности, и сознание своих «естественных прав» на национальную государственность.

Вместе с тем, ни характер развития модернизационных процессов в регионе, ни их общие итоги не позволяют считать, что была преодолена дуалистичность социально-экономических структур и культурных ориентаций северокавказских этнических обществ. Однако она претерпела заметное видоизменение к концу советской эпохи. Во-первых, дуализм стал характеризовать внутреннее состояние каждого этнического социума. На ранних этапах преобразований местные этносоциальные общности выступали на социо-экономической карте региона как своего рода анклав традиционализма, подвергающиеся внешним модернизационным воздействиям. К 1980-м годам в недрах каждого из них сформировались свои сектора, сферы, институты, социальные слои, чьи функционирование и жизнедеятельность воплощали результаты социально-экономической и культурной модернизации. Во-вторых, взаимодействие этносоциальных и этнокультурных традиций с современными формами производственной, организационно-управленческой, социально-культурной деятельности по-прежнему порождало определенные явления социально-психологической напряженности. Но содержание ее стало более сложным. В общественном сознании противоречиво сочетаются позитивное отношение к современным формам жизнедеятельности и высокая оценка этнокультурной традиции, неудовлетворенность в связи с трудностями доступа к престижным профессиональным сферам и тревога по поводу возможной потери национальных корней.

2.3.3. Что представляет собой северокавказская современность?

Современный этап общественных трансформаций развертывался в условиях распада союзной государственности и резкого ослабления государственности российской. При этом «рыночные» и «демократические» преобразования предполагали глубокий радикальный разрыв с прежней общественно-политической системой, ее тотальную делегитимацию в общественном сознании. Осуществляемые реформы носили форсированный характер и не предусматривали какого-либо учета специфичности социально-экономических структур и социокультурных традиций как российского общества в целом, так и его отдельных этнорегиональных сегментов.

С конца 1980-х годов официальным содержанием политики правящих кругов России становится программа экономической и политической модернизации страны – переход к рыночной экономике и демократии. На первый взгляд, развитие событий на Северном Кавказе не просто расходилось, но прямо противоречило этой программе. Ситуация в регионе на протяжении 1990-х годов описывается по преимуществу в терминах этнического национализма и сепаратизма, межэтнической напряженности и конфликтов, религиозного фундаментализма и террористической угрозы. Чтобы понять почему развитие событий здесь приобрело такую направленность, необходимо принять во внимание факторы исторического происхождения.

Дело в том, что отражение модернизаторской политики в социокультурной и этнополитической среде Северного Кавказа не могло быть прямым и однозначным в силу отмеченной выше двойственности, пронизывавшей социально-экономические структуры, формы социального поведения, общественное и индивидуальное сознание народов региона. Здесь сложились определенные предпосылки, позволяющие ему органично включиться в общероссийский модернизационный процесс: более или менее развитой городской и промышленный сектор, достаточно представительный профессиональный класс, присутствие в массовом сознании элементов трудовой этики и эгалитаристских ценностей. Но наряду с этим сохранялся мощный пласт этносоциальных и этнокультурных традиций, поддерживаемый непропорционально большой долей сельского населения в местных этнических сообществах.

Для северокавказского этносоциального конгломерата с его «спрессованной неоднородностью», с наличием явных и латентных элементов архаики и традиционализма в тесно контактирующих социокультурных системах специфическое значение приобретало все то, что могло вести к «возбуждению» этих элементов при одновременном ослаблении всей системы общественного порядка и потере «управляемости» этносоциальными процессами. Идеология и практика революционного реформаторства в России несли с собой достаточно много такого рода факторов. Реальный ход событий в стране вылился в глубокий кризис государственности и повсеместный подрыв устоев общественного порядка. В результате российская революция «осовременивания» 1990-х годов едва ли не в большей степени обернулась для народов Северного Кавказа вызовом архаизации.

Вышеизложенное объясняет, почему ситуацию конца XX на Северном Кавказе иногда характеризуют как «системный кризис» [30]. Но с точки зрения его пространственной локализации этот кризис и по своему генезису и по качествам системности не ограничен территорией Северного Кавказа. Он находится в плоскости отношений государства (центра) и «северокавказского общества» (периферии). Фундаментальное значение имели три аспекта в кризисе этих отношений.

Структурный кризис – нарушение социально-политического континуума по линии «федеральный центр – регионы Северного Кавказа»; взаимное дистанцирование (если не разрыв) центральной власти как субъекта политики, носителя государственного интереса и целеполагания и регионального общества как объекта политики, носителя специфических характеристик, источника проблем. Это дистанцирование было именно взаимным – в период доминирования идеологии «безумного либерализма» федеральный центр воспринимал Северный Кавказ как внешнюю помеху для реализации западного проекта либеральной модернизации и как провинцию, которую необходимо «усмирить» и умиротворить. С другой стороны, в структурах идентичности местного населения произошло резкое повышение значимости этно-конфессиональных измерений, при ослаблении российской гражданской идентичности и утрате элементов подданнической психологии.

Отсюда вытекает ценностный кризис – кризис легитимации власти в обществе. основополагающим фактором здесь следует признать утрату значительной частью российского общества духовно-идеологических и нравственных ориентиров. Это сочеталось с глубоким экономическим упадком, социальной поляризацией и вопиющими формами социальной несправедливости. В результате, произошло опасное снижение авторитета и уровня легитимации государственной власти в общественном сознании, массовое отчуждение от государства и эрозия правосознания граждан страны. Государство стало восприниматься с одной стороны как инструмент реализации корыстных интересов властвующих лиц и группировок, а с другой – чуть ли не как рядовой и весьма уязвимый объект преступных посягательств. Все указанные выше неблагоприятные условия приобрели в регионе Северного Кавказа особую остроту. Здесь они накладывались на гораздо более сложную и неоднородную структуру гражданского самосознания, чем в регионах коренной России. Легитимация имперского государства в общественном сознании народов Северного Кавказа была достигнута на базе обеспечения им устойчивого административного и правового порядка в регионе без коренной ломки традиционных этнокультурных систем. Легитимация советского государства строилась на основе социально-экономического динамизма и расширения культурных горизонтов для местных обществ. Оба эти основания были серьезно подорваны в процессе рождения современной российской государственности. Кризис легитимации Российского государства вызвал здесь не только настроения пассивного отчуждения от него, но возродил альтернативные формы самоидентификации – этнический национализм и сепаратизм, исламский фундаментализм и радикализм.

Одновременно как предпосылку и как следствие ее структурного кризиса и кризиса легитимации можно рассматривать кризис эффективности государственной власти. Он также носил универсальный характер. Но на Северном Кавказе под вопрос была поставлена сама способность государства контролировать собственную территорию. Национальный и религиозный экстремизм, терроризм и их активные носители смогли укорениться в определенных этносоциальных и территориальных анклавах, и превратить их в очаги собственной экспансии. Попытки государства погасить эти очаги с помощью силы первоначально были крайне неэффективны и наводили на мысль о необратимой деградации его военной организации и системы безопасности. В таких условиях стало возможным формирование разветвленной сети экстремистского подполья в регионе, способного осуществлять масштабные акты террористической агрессии. Последствия этого не преодолены до сих пор.

Если рассматривать многообразные явления современного состояния Северного Кавказа в широком контексте исторического времени, как этап его собственного развития, то можно с уверенностью констатировать, что конец XX – начало XXI в. образует кризисный период в процессе его модернизации.

Региональный кризис конца XX в. есть кризис модернизации, но он вызван не культурным протестом традиционалистских социальных слоев и

групп против осуществляемых государством модернизационных преобразований, а реакцией переходного общества незавершенной социально-культурной модернизации на условия резкого срыва процесса и крушения уже «освоенных» этим обществом политико-экономических форм модернизации.

Реальность обозначенных выше кризисных явлений не вызывает особых сомнений. Но механический перенос на состояние регионального социума общих представлений о кризисе является неоправданным. Кризис модернизации и социально-политический кризис – взаимообусловленные, но не тождественные явления. Анализ ситуации и перспектив развития Северного Кавказа должен включать в себя серьезную проверку гипотезы о том, что социальные и культурные процессы в регионе выражают не кризисное состояние местного социума, а его активное приспособление к сложившимся в стране условиям с использованием социального ресурса традиционных этнических институтов и идеологического ресурса мусульманской религии.

Если эта гипотеза состоятельна, то не исключено, что Северный Кавказ надолго превратится в область устойчивого воспроизводства полулегальных, но вполне функциональных социальных практик на периферии модернизационного процесса, в которой обеспечивается потребление плодов модернизации, но блокируется ее собственное развитие.

И это ставит вопрос об обратимости и необратимости в результатах регионального социально-исторического развития.

2.3.4. Необратимое и обратимое в результатах исторического процесса

То, что произошло в стране в течение первого десятилетия XXI в., можно охарактеризовать как своего рода «революцию в революции». Основные результаты постсоветских преобразований сохранились, но от бурного либерального реформаторства власть перешла к их ревизии и консолидации, а на смену тотальному разгосударствлению и политической фрагментации пришло собирание и укрепление российской государственности.

В обществе и политических кругах страны нынешняя стабилизация иногда рассматривается как начало курса, направленного на реставрацию тех или иных сторон прежних порядков (будь то советского, либо имперского периода). Впрочем, представление об обратимости результатов исторического процесса присутствовало в политических движениях, сопровождавших крушение советского блока весьма широко. Восстановление германского единства, может быть, самый яркий пример воплощения таких представлений в жизнь. Но именно этот пример позволяет увидеть пределы и относительность того, что на первый взгляд выглядит как обратимость истории. Воссоединение Германии, конечно, отражало стремление немцев к национальному единству – константу германской истории XIX-XX веков, но оно подразумевало не возвращение назад к «до-демократическим» и империалистическим его формам, а движение вперед, необратимость ее демократического развития и курса на европейскую интеграцию.

Эта логика применима к анализу постсоветской северокавказской ситуации, в которой как кажется присутствовали признаки обращения вспять

исторического процесса. Программы деятельности активных общественных сил на Северном Кавказе зачастую формулировались в «терминах прошлого» – этнокультурного возрождения, реабилитации репрессированных народов, преодоления последствий Кавказской войны. О французских аристократах, возвращавшихся из эмиграции в 1814 г. было сказано, что они «ничего не забыли и ничему не научились». Если бы современные народы Северного Кавказа заслужили такую же оценку, то у них не было бы будущего. Не надо забывать, но надо учиться. Социальный и политический опыт прошлого – это часть интеллектуального арсенала, который необходим для решения проблем настоящего времени. Он должен соотноситься с ориентирами на будущее, с базовыми общественными процессами, которые определяют для региона долговременную перспективу развития. Только «чувство направления» в истории позволяет упорядочивать и интерпретировать события прошлого (в этом задача историка), высвобождать и организовывать энергию современников с прицелом на будущее (задача государственных деятелей, экономистов, социальных реформаторов), отмечал в свое время Э.Х. Карр [36, р. 119-123].

Это положение применимо, в первую очередь, к историческим обобщениям. Сугубо профессиональные критерии объективности, будучи абсолютно необходимыми, могут оказаться в этом случае недостаточными, хотя бы потому, что некоторые элементы общеисторических интерпретаций несводимы к источниковым данным. Поэтому здесь необходимо обратиться к подходам, предполагающим поиск решения проблемы объективности исторического познания в сфере самой жизненной практики. На первый взгляд речь идет о том, что историк должен делать выбор между различными точками зрения на политических основаниях, что вступает в противоречие с требованиями научной объективности [22, с. 359]. Но акту индивидуального выбора историка между различными точками зрения должен предшествовать общественный процесс формирования и формулирования этих точек зрения. Если этот процесс отождествляется с самой историей, «точки зрения» (идентичности) различных групп и лиц оказываются их «судьбой», возможность рационального выбора для личности элиминируется или приравнивается к предательству, а политический выбор сделанный сообществом в целом подразумевает подавление тех или иных идентичностей. Если же он разворачивается как процесс общественного обсуждения различных «проектов будущего» для данного сообщества, участники которого должны следовать требованиям коммуникативной рациональности, чтобы суметь убедить своих оппонентов, то происходит не столько подчинение научной методологии соображениям политической целесообразности, сколько привнесение научной культуры исследования проблем в социальную практику.

Сложившаяся на Северном Кавказе в 1990-е гг. ситуация «плюрализма идентичностей» обостряет вопрос о возможности написать историю региона, которая была бы одной и той же для носителей различных идентичностей – российской или множества этнических, светской или религиозной, исламской или православной [34]. Можно было бы спросить, сколько «прошлых» имеет

такое множественное «настоящее» и сколько разных, но в одинаковой мере «объективных историй» региона может быть написано сегодня? Если ограничивать свой взгляд горизонтом текущей ситуации, то действительно можно оказаться в тисках познавательного скептицизма или субъективного произвола в интерпретации прошлого. Но если ориентироваться на будущее, в котором сохраняется возможность неконфликтного взаимодействия альтернативных программ, диалога социокультурных и политических субъектов «текущей истории», поддержания сложных, «многомерных» структур личной и групповой идентичности, то появится возможность различать «более» и «менее» объективные истории. Внутреннее богатство и «подвижность» такого будущего препятствуют редуцированию прошлого в простое обоснование какого-либо фундаментализма – державного, этнического, религиозного или идеологического. Предмет исторического анализа проблематизируется, поскольку проблемой, требующей решения, является искомое будущее. Познавательный интерес, направленный не на доказательство готовой истины, а на обобщение опыта прошлого, требует тщательного выявления и учета всех значимых фактов, как соответствующих, так и противоречащих той «идее будущего», которая положена в основу общей интерпретации исторического процесса.

Эта идея будущего может быть эффективной, если она будет строиться на базовых процессах современного мирового развития – глобализации и модернизации. Говоря о них часто забывают, что они представляют собой вызов, который встает не только перед Российским государством как политическим субъектом, но и непосредственно перед народами Северного Кавказа как социокультурными субъектами. Именно это обстоятельство задает и аналитические рамки для решения ряда проблем кавказоведения, и критерии для оценок тех или иных конкретных явлений региональной общественной жизни, и ориентиры для всех, кто так или иначе вовлечен в современную российскую и кавказскую политику.

В своей «Валдайской речи» осенью 2013 г. В.В. Путин выразил культурно-историческую рефлексию России как «государства-цивилизации», столкнувшегося «с необходимостью поиска новой стратегии и сохранения своей идентичности в кардинально изменяющемся мире». Он, по сути, констатировал, что угрозы для цивилизационной идентичности Запада, о которых в свое время предупреждал С. Хантингтон [33], набирают силу. Но в отличие от С. Хантингтона В.В. Путин сосредоточил внимание не на «столкновении цивилизаций», а на условиях глобальной конкуренции, не на цивилизационных «разломах», а на консолидации гражданской идентичности в полиэтничном государстве. Такая идентичность и общая национальная идея не могут быть навязаны сверху, здесь «необходимо историческое творчество», осмысление традиций «с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм» [9].

Современный Северный Кавказ как часть России сталкивается с той же проблемой цивилизационного развития, что и Россия в целом: проблемой модернизации и эффективной интеграции в геоэкономику и геокультуру XXI

века при сохранении своей культурно-исторической идентичности. Влияния и контр-влияния России и Северного Кавказа в конечном счете выражают их закономерную социально-культурную конвергенцию в процессе поиска новой жизни. Скорее всего, именно это отметят будущие историки как наиболее важное явление в российско-северокавказском цивилизационном процессе XX-XXI веков.

* * *

Жанр этой статьи не предполагает некоего специального «заключения» или «выводов». Весь ее текст – это своего рода выводы авторов из собственного интеллектуального опыта и одновременно общая гипотеза относительно места Северного Кавказа в историческом пространстве и времени. Надеемся, что такая форма подачи материала облегчит критический анализ и оценку высказанных в ней положений для профессиональных историков, интересующихся проблемами общей интерпретации истории народов Северного Кавказа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX вв. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. – 265 с.
2. *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М.: Наука, 1982. – 253 с.
3. *Бетрозов Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 279 с.
4. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. – Смоленск: «Полиграмма», 1993. – 128 с.
5. *Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия / редкол.: Поляков Ю.А. (отв. ред.) и др.* – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 207 с.
6. *Древние цивилизации / под ред. Г.М. Бонгард-Левина.* – М.: Мысль, 1989. – 475 с.
7. *Дунаевская И.М., Дьяконов И.М.* Хаттский (протохеттский) язык // Языки Азии и Африки. Т. III. Языки древней Передней Азии (несемитские). Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – С. 79-83.
8. *Дьяконов И.М.* Языки древней Передней Азии. – М.: Наука, 1967. – 492 с.
9. *Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года // [Электронный ресурс]. Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (дата обращения 09.10.2013).*
10. *Иванов В.В.* Об отношении хаттского языка к северокавказским // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985. – С. 26-59.
11. *Идрисов И.А.* Распределение 100 крупнейших населенных пунктов по территории Дагестана // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. – 2007. – №1. – С. 130-136.
12. *История Древнего Востока. Ч. 2. Передняя Азия. Египет.* – М.: Наука, 1988. – 623 с.
13. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* – М.: Наука, 1988. – 541 с.
14. *История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917г.).* – М.: Наука, 1988. – 659 с.
15. *Итоги всероссийской переписи населения 2010 года по Чеченской Республике. [Электронный ресурс]. Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чеченской Республике. URL:*

<http://uverenniy.ru/gosudarstvennoj-statistiki-po-chechenskoj-respublike-chislenno.html> (дата обращения: 14.02.2014).

16. *Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года.* РСФСР. – М.: Госиздат, 1963. – 456 с.

17. *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 224 с.

18. *Клычников Ю.Ю.* Перспектива новых трактовок традиционных конфликтных сюжетов в кавказоведении (на примере т.н. Кавказской войны) // Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14-15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. – Ростов н/Д: МАРТ, 2013. – С. 81-88.

19. *Краснослободцев В.П.* (географический факультет МГУ) Республика Ингушетия (социальный портрет проблемного региона) Социальный атлас российских регионов. Независимый институт социальной политики. <http://atlas.socpol.ru/portraits/ingush.shtml> (дата обращения: 27.03.2014).

20. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 260 с.

21. *Марковин В.И.* Дольмены западного Кавказа. – М.: Наука, 1978. – 328 с.

22. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.

23. *Меликишвили Г.А.* Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I: Наири-Урарту. – Тбилиси: Изд. АН Грузинской ССР, 1954. – 446 с.

24. *Мудуев Ш.С.* Расселение и территориальная организация хозяйства горных районов Дагестана: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. [Электронный ресурс] Earthpapers. URL: <http://earthpapers.net/rasselenie-i-territorialnaya-organizatsiya-hozyaystva-gornyh-rayonov-dagestana> (дата обращения: 26.03.2014).

25. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. – М.: Наука, 1975. – 416 с.

26. *Народы Кавказа.* Т. 1 / под ред. М.О. Косвена, Л.И. Лаврова, Г.А. Нерсесова, Х.О. Хашаева. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 622 с.

27. *Панарин С.А.* Позиционно-исторические факторы кавказской политики // Полис. – 2002. – №2. – С.100-112.

28. *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции. (На примере Западного Кавказа). – СПб.: Европейский дом, 1996. – 303 с.

29. *Ревель Ж.* История и социальные науки во Франции: На примере эволюции школы «Анналов» // Новая и новейшая история. – 1998. – №5. – С. 77-102.

30. *Системный кризис* на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона. Материалы всероссийской научной конференции (13-15 сентября 2011 г., Ростов-на Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 288 с.

31. *Суций С.Я.* Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 432 с.

32. *Федоров Я.А.* Историческая этнография Северного Кавказа. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 128 с.

33. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. – 571 с.

34. *Черноус В.В.* Российская идентичность на Кавказе: вызовы и ответы XXI в. // Россия и Кавказ: История и современность. Материалы научной конференции, 11-12 ноября 2004 года. – Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2005. – С. 312-316.

35. Эльдаров Э.М. Динамика системы расселения Дагестана в постсоветский период // Demography. – 2007. – Vol. IV. – P. 265-291. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gef.bg.ac.rs/img/upload/files/Rad%2021.pdf> (дата обращения: 17.01.2014).

36. Carr E.H. What Is History? – London.: Penguin Books, 1967. – 159 p.

37. Megill A. Jorn Rusen's Theory of Historiography: Between Modernism and Rhetoric of Enquiry // History and Theory. – 1994. – Vol. 33. – No 1. – P. 39-60.

УДК 93/94(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-12-40

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Б.С. КАРАМУРЗОВ

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173.
E-mail: bsk-1947@mail.ru*

А.Х. БОРОВ

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173.
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Аннотация. В статье представлена авторская попытка рефлексии относительно обобщенного «образа» Северного Кавказа, который возникает в общественно-научном дискурсе последней четверти века, и тех концептуальных посылок, которые он так или иначе выражает. Подобная рефлексия рассматривается авторами как предварительное условие выработки общей интерпретации истории народов Северного Кавказа. В качестве отправных положений на пути к историческому синтезу приняты: представление Северного Кавказа как внутренне сложной, но целостной единицы и самостоятельного социокультурного субъекта исторического процесса; необходимость охватить преемственность и разрывы в его историческом бытии, глубину социальной памяти и масштабы исторического обновления местных обществ и культур; понимание предмета интерпретации не в виде законченного фрагмента прошлого, а в качестве всеобъемлющего процесса становления данного субъекта текущей истории, которая не завершена и открыта будущему. Такой широкий подход оценивается в статье как необходимая часть поиска рациональных оснований для национального согласия в познании прошлого и построении будущего страны и региона. Основным эвристическим средством для авторов является метод исторического синтеза. Синтетический подход реализован непосредственно через «позитивное» представление Северного Кавказа как пространственно-временной целостности, особой культурно-исторической единицы общероссийского и глобального социально-политического пространства.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Россия; история; общая интерпретация; базовые процессы; традиция; современность; исторический синтез.

NORTH CAUCASUS IN HISTORICAL SPACE AND TIME**B.S. KARAMURZOV**

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173.
E-mail: bsk-1947@mail.ru*

A.H. BOROV

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173.
E-mail: aslan-borov@mail.ru*

Abstract. The article presents an attempt in reflection on the generalized «image» of the North Caucasus that is emerging out of public and scientific discourse of the past quarter of the century as well as on those conceptual premises, which anyway are expressed in it. Such a reflection is evaluated to be necessary prerequisite if an overall interpretation of the history of the North Caucasus peoples is being elaborated. Basic propositions the authors accept as the point of departure in advancing toward historical synthesis are: the idea of the North Caucasus as complex but holistic unit and substantive socio-cultural agent of historical process; necessity to comprise continuity and discontinuities in its historical being, the depth of social memory and the scales of historical transformations local societies and cultures have underwent; comprehending the subject of interpretation not as completed piece of the past but as all-encompassing process of the making of the present agent of current history which, in turn, isn't completed but open to the future. Such a broad vision is evaluated as necessary element in the search for rational foundations of national consensus in the cognition of the past and constructing the future of the country and of the region. The main heuristic tool the authors use to this end is the method of historical synthesis. It is realized in the article directly by the «positively» representing the North Caucasus as spatial-temporal continuity, particular cultural-historical entity within Russian and global socio-political space.

Key words: North Caucasus; Russia; history; overall interpretation; basic processes; tradition; modernity; historical synthesis.